ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-4.9
УДК 316.44
JEL Q18, Z22

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

Поселки городского типа как инструмент модернизации российского села[1]

Мария Н. МУХАНОВА
ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация

Для цитирования: Муханова, М. Н. (2025). Поселки городского типа как инструмент модернизации российского села. *AlterEconomics, 22*(4), 722–736. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-4.9

Аннотация. Статья раскрывает применение концепции П. Бурдье о «производстве социального пространства» и теории «центральных мест» В. Кристаллера в анализе роли и состояния поселков городского типа в формировании и развитии сельских агломераций. В работе используется хронологический подход. Эмпирическую базу составляют панельные данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ 1994–2023 годов, Всероссийских переписей населения 1959–2020 годов, данные Росстата (2023 год). Цель работы — проанализировать социально-экономическое состояние ПГТ в динамике. В исследовании выделены этапы административно-территориального реформирования сельских территорий. Их анализ показал, что практически на всех этапах изменение административного статуса ПГТ служило универсальным инструментом в системе управления сельскими территориями для решения возникающих социально-экономических проблем. Важнейшими из них являлись содействие развитию добывающей промышленности и индустриальных производств, формирование рабочих мест, поддержка трудовой и профессиональной мобильности для жителей села и провинций, особенно для молодежи в периоды экономических кризисов. Анализ панельных данных выявил динамику трансформации отраслевой и социально-профессиональной структуры занятых в ПГТ. Актуальным трендом является преобладание занятости в сфере обслуживания, где значительная роль принадлежит новым сетевым рыночным предприятиям и цифровым платформам. В то же время изменение статуса ПГТ на сельские территории со времен СССР не решило проблемы социального неравенства между «городом и селом». Так, не менее половины жителей ПГТ и сельских поселений не удовлетворены своим материальным положением, а их уровень заработной платы существенно отстает от среднероссийского показателя. Сохраняющийся тренд сокращения населения и доли трудоспособных за счет трудовой мобильности и миграции в мегаполисы является существенным вызовом для решения задач по росту сельских агломераций и увеличению сельского населения, поставленных в программных документах развития страны.

Ключевые слова: российское село, поселки городского типа, административно-территориальные реформы, рынок труда, демографические процессы, отраслевая и социально-профессиональная структура занятых, доходы

[1] © Муханова М. Н. Текст. 2025.

RESEARCH ARTICLE

Urban-Type Settlements as a Tool for Modernizing Russian Countryside

Mariya N. MUKHANOVA
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

For citation: Mukhanova, M. N. (2025). Urban-Type Settlements as a Tool for Modernizing Russian Countryside. *AlterEconomics, 22*(4), 722–736. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-4.9

Abstract. The article examines the role of urban-type settlements (UTS) in the formation and development of rural agglomerations through the lens of P. Bourdieu's concept of the "production of social space" and V. Kristaller's theory of "central places." A chronological approach is applied. The empirical base includes panel data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE, 1994–2023), the All-Russian Population Censuses (1959–2020), and Rosstat statistics (2023). The study identifies the stages of administrative and territorial reform in rural areas and shows that, at nearly all stages, changes in the administrative status of UTS served as a universal instrument within the rural governance system for addressing emerging socio-economic challenges. Key objectives included the development of extractive and industrial sectors, job creation, and support for labor and professional mobility among rural and provincial residents, especially young people in periods of economic crisis. Panel data analysis highlights the transformation of the sectoral and socio-professional structure of employment in UTS. A current trend is the predominance of employment in the service sector, where new network-based enterprises and digital platforms play a growing role. However, changes in UTS status since the Soviet period have not resolved social inequalities between urban and rural areas. At least half of UTS and rural residents remain dissatisfied with their financial situation, and wages continue to lag significantly behind the national average. The ongoing decline in population and the share of working-age residents, driven by labor mobility and migration to major cities, poses a serious challenge to national policy goals of expanding rural agglomerations and increasing the rural population.

Keywords: Russian countryside, urban-type settlements, administrative reforms, "Infrastructure for Life", labor market, demographic processes, employment structure, income

1. Введение

Российское сельское хозяйство и АПК являются ведущей отраслью, обеспечивающей страну и ставшей мировым лидером по экспорту. В 2023 г. экспортная выручка превысила 43,5 млрд долл.[1] Однако рекордные урожаи и доходность не улучшают социально-экономическое положение селян. В 2023 г. у них было изъято 414 млрд руб. пошлин за зерно и водные биоресурсы. С 2021 г. пошлины на зерновые и масличные «вытащили из кармана фермеров» более 2 трлн руб., что сократило инвестиции в технику[2]. Зарплаты сельского населения в полтора раза ниже, чем в промышленности. Подобные решения вызывают разорение фермеров, высокую миграцию и кадровый дефицит в АПК, который к 2030 г. может составить 30–50 тыс. чел. (Муханова, 2024).

Актуальность, научная и практическая значимость исследования обусловлены тем, что российское село и ПГТ переживают новый этап административно-территориальных преобразований из-за реализации с 2023 г. прави-

[1] Интерфакс. (2024, 21 февраля). *В 2023 году экспорт продукции АПК РФ составил $ 43,5 млрд.* [Электронный ресурс]. https://rlw.gov.ru/press/document/18541 (дата обращения: 30.05.2025).

[2] Lada.media. (2025, 24 мая). *Зачем фермеру доход? Ребус для правительства.* [Электронный ресурс]. https://lada.media/video/3751-selskii-chas-vypusk-260-zachem-fermeru-dohod-rebus-dlja-pravitelstva.html (дата обращения: 30.05.2025).

тельственной инициативы «Возрождение малых форм расселения». Она направлена на развитие опорных сельских населенных пунктов и прилегающих территорий, образующих сельские агломерации. Согласно распоряжению Правительства РФ[1], а затем в новой дополненной Стратегии пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года от 28 декабря 2024 г. планируется создать 2160 опорных населенных пунктов, из них более 1500 сельских агломераций в рамках нового национального проекта «Инфраструктура для жизни»[2].

Их создание должно комплексно улучшить качество жизни сельского населения и снизить миграцию в крупные города. В опорных пунктах будет ускорено развитие социальной, транспортной, инженерной и ИКТ-инфраструктуры. В связи с этим расширена цель госпрограммы по увеличению численности сельского населения с 36,2 млн до 50 млн чел.[3]

Объектом исследования является новый этап административно территориального реформирования российского села и ПГТ. Предметом исследования выступают поселки городского типа как один из субъектов формирования опорных пунктов сельских агломераций.

Цель статьи — оценка состояния территорий ПГТ, изучение специфики и проблем регулирования сельских территорий и ПГТ как полимасштабных явлений с различными социально-экономическими измерениями, а также выявление их взаимовлияния на институциональном и административно-территориальном уровнях. Для этого необходимо проанализировать в ПГТ структуру занятости, демографические показатели, материальное состояние жителей и степень удовлетворенности им, а также роль сетевых технологий на рынке труда.

Результаты и анализ оценки состояния ПГТ определяют его научную и практическую новизну.

2. Теоретико-методологические подходы к исследованию. Гипотеза. Эмпирическая база

В России сельские территории и малые поселения, в т. ч. поселки городского типа (далее — ПГТ), традиционно характеризуются как «глубинка» (за исключением столичных пригородов), представляющая собой часть социокультурного пространства, относительно изолированную от основных его потоков, детерминированную их относительно низкой интенсивностью и ограниченным объемом ресурсов, а также удаленную от экономико-политических центров. Однако значение этих территорий трудно переоценить, т. к. они обеспечивают города продовольствием и служат подпиткой для них (Ильин, 2010, с. 27). В послед-

[1] Распоряжения Правительства Российской Федерации от 6 октября 2021 г. № 2816-р. Правительство РФ. [Электронный ресурс]. http://static.government.ru/media/files/jwsYsyJKWGQQAaCSMGrd7q82RQ5xECo3.pdf (дата обращения: 07.07. 2022).

[2] Министерство экономического развития РФ. (2024, 28 декабря). *Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года*. [Электронный ресурс]. https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda (дата обращения: 05.06.2025).

[3] Сельская жизнь. (2025, 27 мая). *Итоги и приоритеты. 27 мая 2025 года заместитель председателя ЦК КПРФ, председатель Комитета Государственной Думы ФС РФ по аграрным вопросам, академик РАН В.И. Кашин выступил с докладом на итоговом заседании Коллегии Минсельхоза России*. [Электронный ресурс]. http://sgazeta.ru/page70973611.html (дата обращения: 22.06.2025).

ние годы сельские производители занимают лидирующие позиции на мировом экспортном рынке сельхозпродукции, являются инновационными субъектами, источниками финансовых потоков, которые, в силу институциональных правил и административных положений, перенаправляются в центр (Муханова, 2024; Mukhanova, 2024).

В исследовании рассматриваются реформируемые сельские территории в рамках Стратегии пространственного развития РФ согласно концепции П. Бурдье о «производстве социального пространства». Центральное ядро данной концепции представлено понятием о «производстве социального пространства», которое означает вместилище социальных «мест-позиций», основанное на институционализации объектов, деятельности акторов и социальных групп, обусловленных различными видами капиталов. Как показывают процессы, происходящие на сельских территориях, социальное пространство является социально обозначенным и сконструированным явлением (Бурдье, 1993).

Понятие «сельские агломерации» было введено в 2019 г., а в 2022 г. и 2024 г. правительство утвердило Единый перечень таких агломераций и опорных населенных пунктов. Эти пункты, к которым отнесены ПГТ, районные центры и малые города, структурированы по направлениям деятельности: предоставление социальных услуг, реализация инвестиционных проектов или обслуживание критической инфраструктуры.

В мировой практике развитие агломераций основано на теории «центральных мест» В. Кристаллера (Маркварт и др., 2022, с. 95–98). Эта теория, впервые примененная в Германии в 1950-х гг., легла в основу концепции «опорного каркаса расселения» в СССР 1970-х гг., которая наиболее ярко воплотилась в Сибири и Арктике. Опыт США показывает развитие ключевых локаций в ресурсодобывающих районах (Benzow, 2025; World Population Review, 2025[1]), а в Великобритании проекты модернизации направлены на усиление роли рыночных городов как центров услуг (Ward & Lowe, 2007). В 1950–1980-е гг. в СССР рост числа ПГТ был связан с ускоренной индустриализацией экономики с активным использованием ударных комсомольских строек, куда направлялись миллионы молодых людей (Заславская, Мучник, 1977; Андреенкова, Воронова, 2025). В то же время политика ликвидации «неперспективных» деревень привела к сокращению сельских населенных пунктов и населения (Мазур, 2005) и росту урбанизации (Зайончковская, 1991).

Исследователи отмечают, что в последней редакции Стратегии пространственного развития наблюдается декларативность задач при отсутствии механизмов их выполнения в условиях усиления диспропорции и неравенства социально-экономической ситуации в российской периферии (Тулохонов, Иванова, 2025). Также следует отметить, что, несмотря на реализацию многолетних государственных и ведомственных программ по развитию сельского хозяйства, возникают новые системные проблемы из-за слабой координации работы ведомств. Для решения рационального финансирования и контроля необходимо провести классификацию регионов по уровню развития сельского хозяйства и по их значимости в обеспечении продовольственной безопасности (Алтухов, 2025). Неравномерное развитие регионов способствует росту рисков продо-

[1] World Population Review. (2025). *Most rural states in the U.S.* https://worldpopulationreview.com/state-rankings/most-rural-states (дата обращения: 15.06.2025).

вольственной безопасности (Минеева, 2018, с. 668). Это приводит к усилению дифференциации регионов: субъекты с развитой инфраструктурой продолжают ее улучшать, а там, где наблюдается отставание, они увеличивают имеющийся разрыв и теряют конкурентные преимущества (Урасова, Баландин, 2019, с. 207).

Исследование опыта Краснодарского края, выбранного в качестве экспериментальной площадки проекта (доля сельского населения там выше средней по стране и составляет 43 %), свидетельствует о необходимости отказаться от административного подхода к созданию сельских агломераций на основе формальных критериев, а также о важности финансирования «точек роста» в регионе (Авдеева и др., 2024).

На примере Самарской области, где была разработана и апробирована методика выявления факторов агломерационных эффектов в экономике региона, показано, что рост агломерационных процессов, а также концентрация хозяйствующих субъектов могут обуславливать как положительные, так и негативные тенденции (Павлов, 2023).

Основная гипотеза нашего исследования заключается в том, что поселки городского типа как административно-территориальные единицы служили основой для освоения новых ресурсных территорий с полезными ископаемыми, способствовали индустриализации и развитию промышленности. Они также активно участвовали в формировании социальной структуры советского общества, были каналом трудовой и профессиональной мобильности сельской молодежи и периферии. За столетний период существования ПГТ стали инструментом для модернизации административно-территориальных устройств в целях преобразования социально-экономических условий российского села и экономики в целом.

Эмпирической базой исследования послужили панельные данные РМЭЗ НИУ ВШЭ[1] 1994–2023 гг., где ежегодно по всероссийской репрезентативной выборке проводятся опросы в 38 регионах РФ. В 1994 г. в ПГТ было опрошено 626 респондентов, из них были заняты в экономике 327 работников. В 2023 г. было опрошено 833 респондента, из которых 368 были заняты в экономике. Особенностью этого обсследования является то, что оно уникальное и единственное в России, которое репрезентирует проживающих в поселках городского типа.

В работе были задействованы данные Переписей населения, проведенных в 1959, 1970,1989, 2002, 2010, 2020 гг., и данные Росстата 2023–2024 гг. Кроме того, в исследовании были использованы аналитические материалы СМИ, включая интервью экспертов. В этих материалах представлена достоверная по ценности информация об объективных процессах и ходе институциональных преобразований в российском селе.

[1] «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом Высшей школы экономики и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: https://rlms-hse.cpc.unc.edu и http://www.hse.ru/rlms)». Данные обследования обработаны автором на SPSS.

3. Этапы административно-территориальных реформ сельских поселений и поселков городского типа

В качестве методологического подхода к стратегии анализа, на наш взгляд, необходимо выделить три этапа институциональных преобразований российского села и поселков городского типа. Периодизация основана на анализе взаимодействия и взаимовлияний между сельскими территориями и ПГТ, которые используются как инструмент для изменения административно-территориального статуса с целью решения социально-экономических и управленческих задач в ходе процессов институционального развития.

Методологическим сопровождением анализа институциональных процессов сельского пространства являются показатели динамики изменения численности сельских поселений, ПГТ и их населения, которые иллюстрируют социально-экономическое состояние территорий, а их «группировки становятся преобладающим способом реформ административно-территориального деления» (Родоман, 2022).

Первый этап обусловлен становлением и развитием в стране с 1924 г. поселков городского типа как переходной формы между городами и сельскими поселениями, которая не имела аналогов в мировой практике. Реформа была утверждена ВЦИКом в 1924 г. и приурочена к первой переписи населения в 1926 г. Согласно разработанным критериям, поселки городского типа должны были иметь численность жителей не менее 400 чел. взрослого населения, из них занятых сельским хозяйством — не более трети (Симагин, 2009а, с. 20). В РСФСР по переписи 1926 г. ПГТ составили 702 ед., с населением 2,5 млн чел. (табл. 1). В дальнейшем с 1930 г. их численность от переписи к переписи росла, и уже в 1959 г. ПГТ составили 1495 ед. с населением около 9,5 млн чел.

Рабочие поселки законодательно были структурированы указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. «О порядке отнесения населенных пунктов к категории городов, рабочих и курортных поселков» при крупных заводах, фабриках, шахтах, рудниках, электростанциях, железнодорожных станциях и прочих экономически важных объектах (Симагин, 2009а). В результате в период с 1930 по 1960 гг. в РСФСР более 2000 крупных сёл были преобразованы в ПГТ. Особенно активно шли эти процессы с 1950-х гг., кроме того, статус ПГТ получили и районные центры.

Таблица 1

Динамика изменений численности поселков городского типа в РФ, 1926–2024 гг.

Table 1

Dynamics of Changes in the Number of Urban-Type Settlements in Russia, 1926–2024

Показатель	Годы переписи							
	1926	1939	1959	1970	1989	2002	2010	2024
ПГТ, всего	702	743	1495	1869	2193	1842	1459	1173
Из них числом жителей: до 5 тыс. чел.	554	301	712	958	1119	988	787	631
5–9,9 тыс. чел.	113	269	540	669	713	582	476	287
10–19,9 тыс. чел.	30	156	221	216	321	247	178	142
20 тыс. чел. и более	5	17	22	26	40	25	18	34

Источник: Росстат: Данные Всероссийской переписи населения 1959, 1970, 1989, 2002, 2010 гг. Данные Росстата: Группировка ПГТ по численности населения в 1926, 1939, 1959 гг. Таблица 7; 1970 г. Число поселков городского типа, 2024. Таблица 20.

Второй этап связан с модернизацией сельских территорий, что было центральной задачей государственной политики в 1960–1989 гг., принятой в октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС. Идея заключалась в преобразовании сельских поселений на основе их планомерного укрупнения и одновременно сселение неперспективных малых деревень. Следствием этих преобразований должна была стать интенсификация сельского хозяйства. И в этом случае ПГТ как административно-территориальная единица, являясь основой каркаса освоения российских территорий, становятся инструментальным средством для институциональных изменений и преобразования экономики. К 1989 г. количество ПГТ достигло 2193 ед., в них проживало 13,5 млн чел.

Третий этап реформ территориального управления, обусловленный рыночными трансформациями, а также внедрением капиталистических форм производства, берет отсчет с начала 1990-х гг. В этот период начали складываться новые институты и формы собственности в сельском хозяйстве, что привело к массовым банкротствам сельскохозяйственных предприятий. Это обусловило массовые миграционные процессы и трансформацию аграрного рынка труда.

К переписи 2002 г. численность ПГТ снизилась до 1842 ед. с населением 10,5 млн чел., а в 2024 г. — до 1173 ед. с населением 7 млн чел. (табл. 1), т. к. они были переведены в статус сельских поселений. Поэтому численность сельского населения на протяжении 30-летних реформ при высоком уровне миграции и естественной убыли фактически остается неизменным. Например, вместо реального сокращения числа сельских жителей перепись 2010 г. показала их рост на 2,4 млн чел. (Чучкалов, Алексеев, 2019, с.19).

Эти процессы подтверждаются результатами переписи 1989–2010 гг., когда численность сельских населенных пунктов сократилась на 9074 ед. из-за миграции сельского населения и естественной убыли. Но уже в 2020 г. доля сел без жителей составила 24751 ед. (16 %). Доля мелких поселений до 100 чел. увеличилась и составляет 68,2 % от общей численности сельских поселений в РФ. Большинство из них — вымирающие сёла, в которых остались пенсионеры и отсутствует социальная инфраструктура. Половина сельских жителей проживает в крупных селах с числом жителей 1 тыс. чел. и более.

Таким образом, ПГТ в очередной раз стал инструментом практической реализации реформ административно-территориального управления, и с 2023 г. начинается новый процесс формирования ПГТ в опорные пункты сельских территорий или сельских агломераций.

4. Поселки городского типа: состояние и динамика рынка труда, демографические процессы и доходы (1994–2023 гг.)

Рассмотрим состояние рынка труда, движение его рабочей силы, социальную структуру, демографические характеристики и доходы занятых в ПГТ.

Каким же образом на практике формировались ПГТ как территориальное устройство, каковы численность жителей и социальных групп? Для ответа на эти вопросы в качестве основы используем индикатор места рождения и сравним этот показатель с аналогичными данными по сельским жителям. Это позволит показать состав движения населения и продемонстрирует специфику их взаимодействия и взаимовлияния как административно-территориальных поселений.

Анализ динамики численности проживающих и рожденных в ПГТ с 1994 г. по 2023 г. показывает, что только каждый десятый житель поселка родился и проживает в нем в настоящее время. Местом рождения большинства были сельские территории: 56 % в 1994 г. до 52,2 % в 2023 г. Это можно объяснить следствием изменения административного статуса населенного пункта — перевода крупных сёл в ПГТ в 1950–1980 гг., поэтому большинство проживающих в ПГТ родились в сельской местности.

В период с 1994 по 2023 гг. от 32,4 % до 35 % жителей ПГТ родились в городах. Для сравнения: большинство жителей, проживающих на сельских территориях (72 % в 1994 г. и 60,2 % в 2023 г.), родились в сельской местности. Таким образом, большинство жителей ПГТ родились в селе или в городе, а коренными жителями ПГТ является в среднем только каждый десятый его житель. Данные о численности рожденных в ПГТ жителей стали методологическим сопровождением анализа формирования исторической модели и технологией для оценки его сущностного отличия от других поселенческих структур.

С помощью статистических методов проанализируем возрастной состав жителей ПГТ, его влияние на уровень трудоспособности населения, а также на демографические тенденции жителей ПГТ в период с 1994 г. по 2023 г.

Как свидетельствуют данные, доля пожилых людей в возрасте от 61 года и старше увеличилась в два раза, а в возрасте от 71 года и старше — в 2,5 раза в 2023 г. по сравнению с 1994 г. В целом доля жителей ПГТ в возрасте от 51 года и старше составляет 43 %, что значительно превышает долю молодого поколения в возрасте от 16 до 40 лет — 25 %. Это свидетельствует о старении населения и сокращении доли трудоспособных жителей. Хотя в 2023 г. доля детей до 15 лет составляет 19 %, что значительно выше, чем в других возрастных категориях, но вряд ли повлияет на изменение этой тенденции в будущем.

Рассмотрим социально-структурные процессы в ПГТ в динамике, на основе изменения численности предприятий в отраслях и занятости в них. Институциональная отраслевая структура в ПГТ формировалась по отраслевой специфике и по роду производства. Согласно переписи 1939 г., доля ПГТ как центров тяжелой обрабатывающей промышленности составляла 35,6 %, однако к 2002 г. этот показатель снизился до 21 %. За тот же период численность ПГТ, играющих роль центров добывающей промышленности, возросла с 20,6 % до 25,8 % (Симагин, 2009б). В 2023 г., по данным РМЭЗ, численность занятых в них составила 5,3 %. Удельный вес центров легкой и пищевой промышленности в этой доли сократился с 11,6 % до 8,2 %, численность занятых — 7 % в 2023 г.

Рассмотрим социально-профессиональную структуру занятых на рынке труда в ПГТ. В 1930-е гг. ПГТ стало одним из важных административно-территориальных субъектов форсированной индустриализации, где основными социальными группами были инженерно-технические работники и квалифицированные рабочие, что предоставило профессиональную и трудовую мобильность многим молодым работникам.

В 1939 г. только горняков было занято на производстве около 327 тыс. чел., но уже в 1959 г. их доля увеличилась в 1,7 раза и составила 564 тыс. чел., бурильщиков, проходчиков увеличилась в 5 раз, а машинистов горной техники — в 4 раза.

И, наоборот, доля занятых в сельском хозяйстве с 1939 по 1959 гг. сократилась с 20 млн до 15 млн чел.[1]

В ПГТ производственные и трудовые практики послужили стимулом для развития системы среднего, среднего специального и высшего образования. В результате, доля занятых с высшим образованием в ПГТ в два раза выше, чем среди селян, а доля лиц со среднеспециальным образованием — в 1,5 раза выше, чем у селян, и только в 2023 г. они в численности сравнялись с селянами (24 %).

В первое десятилетие постсоветского периода угольные шахты, предприятия легкой и тяжелой промышленности переживали кризис из-за разрушения советской институциональной системы. Впоследствии в условиях рыночной экономики ресурсные предприятия были восстановлены. ПГТ стали вновь привлекательными для работы, когда жители сёл, чьи сельхозпредприятия обанкротились, потянулись как вахтовики в поисках достойной зарплаты в регионы СФО, ДФО, УФО, где сосредоточен основной природно-ресурсный потенциал РФ. Основными регионами-работодателями стали практикующие вахтовые методы ЯНАО (в 2021 г. он принял 123,6 тыс. чел.) и ХМАО (188,6 тыс. чел.) (Иванова 2024, с. 386). Поэтому в 2023 г. доля занятых в предприятиях тяжелой и нефтегазовой промышленности ВПК существенно возросла.

Таким образом, в 1990-е гг. из-за рыночных реформ рынок труда ПГТ кардинально изменился. По данным РМЭЗ, численность квалифицированных рабочих снизилась в два раза по сравнению с 1994 г. и в 2023 г. составила 12,7 % (табл. 2). Зато в два раза — с 12 % в 1994 г. до 25 % в 2023 г. — увеличилась доля занятых работников сферы торговли и различных услуг.

Несмотря на то, что в последнее десятилетие доля низкоэффективных точек уличной торговли значительно сократилась, показатель занятых в торговле и в сфере обслуживания возрастает с каждым годом. Данные процессы наблюдаются не только по причине открытия крупных сетей общественного питания и транспорта, расширением доступности услуг связи и интернета в ПГТ («Пятерочка», «Магнит», «Дикси», сети фастфудов, «Вкусно, и точка» и др.), но и с интенсивным распространением новой системы сетевых пунктов выдачи, складов маркетплейсов, функционирующих на цифровых платформах, таких как Wildberries, Озон, Яндекс, Сбер (или Купер)[2].

Все эти компании в ПГТ и сёлах делают жизнь удобнее и комфортнее, обеспечивает население, с одной стороны, доступными товарами, а с другой — рабочими местами, стимулируя местную экономику.

Доля бюджетных работников в структуре рынка труда в ПГТ значительна. В сфере образования работают 12 %, здравоохранения — 11 %.

Таким образом, поселки городского типа и крупные сёла выступают в роли «ключевых узлов» (по определению П. Бурдье), которые наполняются новыми типами и формами предприятий, формируют ресурсы и являются символами развития, приближая уровень жизни в таких ПГТ к городскому уровню.

---

[1] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. (1963). Москва: Госстатиздат, с. 278, 280.

[2] Мануйлова, А. (2025, 12 марта). «Главные специалисты для рынка труда — квалифицированные рабочие» Глава Минтруда А. Котяков о перспективах спроса на кадры в РФ. *Газета «Коммерсантъ»,* (44). [Электронный ресурс]. https://www.kommersant.ru/doc/7564885 (дата обращения: 30.05.2025).

Таблица 2

Социально-профессиональная структура занятых в ПГТ, 1994–2023 гг., в %

Table 2

Socio-Professional Structure of Workers in Urban-Type Settlements, 1994–2023, %

Социально-профессиональная структура	Данные показателя по годам						
	1994	2000	2005	2010	2015	2020	2023
Военнослужащие	1,0	0,9	—	0,5	—	0,4	0,3
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	5,2	3,6	5,5	4,4	7,4	5,0	4,0
Специалисты высшего уровня квалификации	14,4	16,0	17,1	23,0	17,8	16,5	14,5
Специалисты среднего уровня квалификации	15,8	20,5	15,1	16,7	17,2	20,2	20,7
Служащие офисные	6,2	7,6	5,0	5,8	5,0	6,1	5,0
Работники сферы торговли и услуг	12,0	15,6	21,6	19,5	22,0	25,0	25,0
Квалифицированные рабочие сельского хозяйства	0,3	0,4	0,5	0,5	0,3	0,8	0,5
Квалифицированные рабочие ручного труда	13,4	10,3	12,1	10,4	10,4	10,0	8,8
Квалифицированные рабочие использующие машины и механизмы	23,7	20,5	16,6	13,2	13,7	9,6	12,7
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	4,8	4,5	6,0	5,3	6,3	6,5	8,8
Всего ответивших	291	224	199	431	366	509	387

Источник: РМЭЗ НИУ ВШЭ, 1994–2023 гг.

В 2023 г. доля сельских жителей, занятых на цифровых платформах, составила 580 тыс. чел., в основном это молодежь и люди среднего возраста[1]. Возможно, данные процессы способны удержать население на этих территориях и затормозить миграционный отток, сделать глубинку «менее глубокой» (Ильин, 2010, с. 38). Последнее подтверждает вывод, что состояние рынка труда ПГТ зависит от ресурсного и производственного потенциала регионов, функционирования в них предприятий добывающих отраслей, присутствия и развития сетевых структур и цифровых платформ.

Степень удовлетворенности занятых в ПГТ уровнем оплаты труда существенно возрос как среди занятых в ПГТ (с 22 % в 2005 г. до 57 % в 2023 г. (медианна 34,5 тыс. руб.)), так и среди селян (с 17 % до 47 % (30 тыс. руб.)). Для сравнения: средняя зарплата горожан областного центра составила 40 тыс. руб. В 2023 г. средняя зарплата в РФ составляла 73067 руб., величина прожиточного минимума для трудоспособного человека составила 15669 руб.[2]

По мнению большинства жителей ПГТ (67 %) и селян (64 %), материальное положение их семей за последние 12 месяцев не изменилось. При этом каждый шестой житель ПГТ (15 %) и села (17,4 %) отмечает его ухудшение. Удовлетворенность

[1] Росстат. (2024). *Итоги выборочного обследования рабочей силы 2023*. [Электронный ресурс]. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения: 16.05.2025).

[2] Справочная информация: «Величина прожиточного минимума в Российской Федерации» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс). (2022, 5 декабря). Консультант Плюс. [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33936/8bf43d584df4ac39ddec19c36e7654dce95bdb62/ (дата обращения: 04.04.2025).

материальным положением также остается низкой: половина жителей ПГТ (52 %) и селян (47 %) им недовольны.

Какие же прогнозы делают респонденты относительно ближайшего будущего? Большинство жителей ПГТ (71,2 %) и сёл (68 %) обеспокоены по поводу возможностей обеспечить себя всем необходимым в ближайшие 12 месяцев. Однако более половины жителей ПГТ (54,5 %) и сёл (64,6 %) уверены, что через год их жизнь и жизнь семьи не изменятся. Каждый третий житель ПГТ (31,3 %) и только десятый житель села (10,3 %) считают, что их жизнь станет хуже.

Анализ данных о заработной плате занятых в ПГТ показывает существенное отставание ее от среднероссийского уровня, что свидетельствует о более низком уровне жизни значительной части населения сельских территорий и ПГТ по сравнению с городским населением. Это усугубляет процессы межрегионального и внутрирегионального неравенства и различия по уровню социально-экономического развития сельских территорий и городов.

Каковы перспективы развития сельских агломераций? По экспертным оценкам, в ближайшие годы 1,5 млн селян станут горожанами. Люди переедут из стратегически важных населенных пунктов в перенаселенные мегаполисы. Продолжится миграция из пустеющей Сибири, Дальнего Востока и Севера, «про Нечерноземье уже и не говорится»[1].

5. Заключение

В последние десятилетия развитие сельских территорий осложнилось из-за миграции населения в города и запустения многих поселений. В ответ в мировой и отечественной практике набирает силу тенденция к укрупнению населенных пунктов. ПГТ, обладая развитой инфраструктурой и экономическим потенциалом, рассматриваются как точки роста и опорные пункты для развития села.

Однако, как показывает опыт, такие реформы «сверху» сопряжены с издержками, непредсказуемостью и инерционностью из-за огромных пространств страны. Проблема усугубляется высоким уровнем межрегионального и внутрирегионального неравенства.

Исследование показало, что ПГТ служат универсальным инструментом изменения административно-территориального статуса. Анализ данных РМЭЗ иллюстрирует их роль в перераспределении населения: большинство жителей ПГТ родились не в них, а переехали из сёл или городов. Занятость здесь исторически формировалась на основе квалифицированного труда, а образовательный уровень жителей ПГТ стабильно выше, чем у селян.

Занятость в ПГТ охватывает все отрасли промышленности. После кризиса 1990-х с 2000-х гг. началось восстановление ПГТ, связанных с нефтедобычей, что стало каналом трудовой мобильности для жителей периферии. Тем не менее большинство людей заняты в сфере торговли, транспорта и услуг. Развитие новых рыночных предприятий, включая цифровые платформы, склады и пункты выдачи, стимулирует местную экономику и малый бизнес, формируя рыночное поведение населения.

[1] Стешин, Д., Кубатьян, Г. (2025, 27 мая). Осторожно, деревни «закрываются»: пронзительный репортаж из российского села, в котором остался всего один житель. *Комсомольская правда*. [Электронный ресурс]. https://www.kp.ru/daily/27703/5093079/ (дата обращения: 13.06.2025).

ПГТ становятся «ключевыми узлами» (по П. Бурдье), наполняясь новыми предприятиями, делая жизнь комфортнее и символизируя городское развитие. Это, наряду с распространением интернета, может помочь снизить миграционный отток.

Однако половина занятых в ПГТ испытывает финансовый дискомфорт на фоне инфляции, а группа с низкими доходами особенно уязвима. При этом городская жизнь продолжает привлекать селян комфортной средой, и эксперты прогнозируют дальнейшее сокращение сельского населения.

Целью текущей модернизации является создание сельских агломераций, которые должны увеличить долю сельского населения. Они станут новой типологией территорий для целевой государственной поддержки и управления.

Таким образом, ПГТ в практике государственного управления являются универсальным инструментом для решения экономических и административно-территориальных задач.

Список источников

Авдеева, Т. Т., Зелинская, М. В., Кудряков, В. Г. (2024). Управление пространственным развитием сельских территорий на основе создания сельских агломераций. *АПК: Экономика, управление,* (7), 103–114. https://doi.org/10.33305/247-103

Алтухов, А. И. (2025). Приоритетные направления пространственного развития сельского хозяйства России. *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 27* (3), 143–153. https://doi.org/10.35330/1991-6639-2025-27-3-143-153

Андреенкова, А. В., Воронина, Н. С. (2025). Долгосрочная географическая мобильность в жизненном пути разных поколений россиян: уровень, направление, мотивация, потенциал. *Мир России, 34* (2), 143–165. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-143-165

Бурдье, П. (1993). *Социология политики.* Пер. с фр. Сост., общ. ред. и предисл. Н. Шматко. Москва: Socio-Logos, 336.

Зайончковская, Ж. А. (1991). *Демографическая ситуация и расселение.* Москва: Наука, 132.

Заславская, Т. И., Мучник, И. Б. (ред.). (1977). *Развитие сельских поселений (лингвистический метод типологического анализа социальных объектов).* Москва: «Статистика», 295.

Иванова, С. Н. (2024). Пространственные аспекты развития занятости населения территорий Северной Азии. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture, 16* (1), 381–404. https://doi.org/10.12731/2658-6649-2024-16-1-709

Ильин, В. И. (2010). Российская глубинка в социальной структуре России. *Журнал социологии и социальной антропологии, 13* (4), 25–47.

Мазур, Л. Н. (2005). Политика реконструкции российской деревни конец 1950–1980-х гг. *Отечественная история,* (3), 25–36.

Маркварт, Э., Киселева, Н. Н., Соснин, Д. П. (2022). Система опорных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты. *Власть, 30* (2), 95–111. https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939

Минеева, Н. Н. (2018). Трансформация архитектоники АПС как условие развития сельских территорий. *Журнал экономической теории, 15* (4), 668–673. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2018.15-4.14

Муханова, М. Н. (2023). Предпринимательство в российском аграрном секторе. *Вопросы теоретической экономики,* (4), 155–173. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_4_155_173

Муханова, М. Н. (2024). Инновационные социальные группы в институциональных изменениях российского села. *Journal of Institutional Studies, 16* (3), 112–125. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.3.112-125

Павлов, Ю. В. (2023). Выявление и анализ агломерационных эффектов в экономике региона (на примере Самарской области). *Экономика, предпринимательство и право, 13*(8), 2983–3004. https://doi.org/10.18334/epp.13.8.118827

Родоман, Б. (2024). Россия — административно-территориальный монстр. *Демоскоп Weekly*. [Электронный ресурс]. https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01015/nauka03.php (дата обращения: 24. 04.2024).

Симагин, Ю. А. (2009а). Изменение роли поселков городского типа в системе расселения России на протяжении XX века. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Естественные науки»,* (1(3)), 20–27.

Симагин, Ю. А. (2009б). *Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения*. Москва: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 224. [Электронный ресурс]. https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0413/biblio02.php (дата обращения: 08.02. 2025).

Тулохонов, А. К., Иванова, С. Н. (2025). О новой Стратегии пространственного развития России, или уроки пройденного. *ЭКО, 55*(3), 56–67. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-3-56-67

Урасова, А. А., Баландин, Д. А. (2019). Теоретические аспекты пространственного развития инфраструктуры сельских территорий региона. *Журнал экономической теории, 16*(2), 207–213. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-2.3

Чучкалов, А. С., Алексеев, А. И. (2019). «Новые» сельские населенные пункты — бывшие поселки городского типа. *Известия РАН. Серия Географическая,* (6), 18–34. https://doi.org/10.31857/S2587-55662019618-34

Benzow, A. (2025, January 10.). The economic and political dynamics of rural America. *Rural America*. [Электронный ресурс]. https://eig.org/rural-america/ (дата обращения: 22.05. 2025).

Mukhanova, M. (2024). Entrepreneurship in the Russian agricultural sector. *Social Sciences, 55*(1), 48–67. https://dx.doi.org/10.21557/SSC.96151650

Ward, N., & Lowe, P. (2007). Blairite Modernisation and Countryside Policy. *The Political Quarterly, 78*(3), 412–421. https://doi.org/10.1111/j.1467-923x.2007.00869.x

References

Altukhov, A. I. (2025). Priority directions for spatial development of agriculture in Russia. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN [News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS], 27*(3), 143–153. https://doi.org/10.35330/1991-6639-2025-27-3-143-153 (In Russ.)

Andreenkova, A. V., & Voronina, N. S. (2025). Long-term geographic mobility in the life path among different generations of Russians: Level, direction, motivation, potential. *Mir Rossii [Universe of Russia], 34*(2), 143–165. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-143-165 (In Russ.)

Avdeeva, T. T., Zelinskaia, M. V., & Kudriakov, V. G. (2024). Management of spatial development of rural territories as rural agglomerations. *APK: Ekonomika, upravlenie [AIC: Economics, Management],* (7), 103–114. https://doi.org/10.33305/247-103 (In Russ.)

Benzow, A. (2025, January 10.). The economic and political dynamics of rural America. *Rural America*. https://eig.org/rural-america/ (Date of access: 22.05. 2025).

Bourdieu, P. (1993). *Sotsiologiya politiki [Sociology of the Politics]*. Translated from French, In N. Shmatko (Ed.). Moscow: Socio-Logos Publ., 366. (In Russ.)

Chuchkalov, A. S., & Alekseev, A. I. (2019). "New" rural settlements — former urban-type settlements. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya [Bulletin of the RAS. Geography],* (6), 18–34. https://doi.org/10.31857/S2587-55662019618-34 (In Russ.)

Ilyin, V. I. (2010). The Russian heartland in social structure. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 13*(4), 25–47. (In Russ.)

Ivanova, S. N. (2024). Spatial aspects of employment development in Northern Asia. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture, 16*(1), 381–404. https://doi.org/10.12731/2658-6649-2024-16-1-709 (In Russ.)

Markwart, E., Kiseleva, N. N., & Sosnin, D. P. (2022). The system of central (reference) settlements as a management tool: Theoretical and practical aspects. *Vlast', 30*(2), 95–111. https://doi.org/10.31171/vlast.v30i2.8939 (In Russ.)

Mazur, L. N. (2005). The policy of a reconstruction of the Russian countryside (late 1950s-1980s). *Otechestvennaya istoriya [National History],* (3), 25–36. (In Russ.)

Mineeva, N. N. (2018). Transformation of Agri-Food System as a Condition for the Development of Rural Territories. *Zhurnal ekonomicheskoj Teorii [Russian Journal of Economic Theory], 15*(4), 668–673. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2018.15-4.14 (In Russ.)

Mukhanova, M. (2024). Entrepreneurship in the Russian agricultural sector. *Social Sciences, 55*(1), 48–67. https://dx.doi.org/10.21557/SSC.96151650

Mukhanova, M. N. (2023). Enterpreneurship in the Russian agricultural sector. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki [Issues of Economic Theory],* (4), 155–173. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_4_155_173 (In Russ.)

Mukhanova, M. N. (2024). Innovative social groups in the institutional changes of the Russian countryside. *Journal of Institutional Studies, 16*(3), 112–125. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2024.16.3.112-125 (In Russ.)

Pavlov, Y. V. (2023). Identification and analysis of agglomeration effects in the regional economy (Samara region case). *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law], 13*(8), 2983–3004. https://doi.org/10.18334/epp.13.8.118827 (In Russ.)

Rodoman, B. (2024). Russia is an administrative-territorial monster. *Demoscope Weekly.* https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01015/nauka03.php (Date of access: 24. 04. 2024). (In Russ.)

Simagin, Yu. (2009). Changing the role of urban-type settlements in the Russian settlement system during the 20th century. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: "Estestvennye nauki" [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Natural Sciences],* (1(3)), 20–27. (In Russ.)

Simagin, Yu. A. (2009b). *Poselki gorodskogo tipa Rossii: transformatsiya seti i osobennosti naseleniya [Urban-Type Settlements of Russia: Transformation of the Network and Features of the Population]*. Moscow: The Institute of Social and Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences, 224. https://www.demoscope.ru/weekly/2010/0413/biblio02.php (Date of access: 08. 02.2025). (In Russ.)

Tulokhonov, A. K., & Ivanova, S. N. (2025). On the new strategy for spatial development of Russia or lessons of the past. *EKO [ECO], 55*(3), 56–67. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2025-3-56-67 (In Russ.)

Urasova, A. A., & Balandin, D. A. (2019). Theoretical aspects of spatial infrastructure development in rural areas of a region. *Zhurnal Economicheskoj Teorii [Russian Journal of Economic Theory], 16*(2), 207–213. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-2.3 (In Russ.)

Ward, N., & Lowe, P. (2007). Blairite Modernisation and Countryside Policy. *The Political Quarterly, 78*(3), 412–421. https://doi.org/10.1111/j.1467-923x.2007.00869.x

Zaionchkovskaya, Z. A. (1991). *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie [Demographic situation and settlement]*. Moscow: Nauka Publ., 132. (In Russ.)

Zaslavskaya, T. I., & Muchnik, I. B. (Eds.) (1977). *Razvitie sel'skikh poselenii (lingvisticheskii metod tipologicheskogo analiza sotsial'nykh ob"ektov) [The Linguistic Method of Typological Analysis of Social Objects]*. Moscow: "Statistika" Publ., 295. (In Russ.)

Информация об авторе

Муханова Мария Николаевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр (ФНИСЦ) РАН; https://orcid.org/0000-0002-9988-2503 (Российская Федерация, 109544, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1; e-mail: mukhanova_m@rambler.ru).

About the author

Mariya N. Mukhanova — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Associate, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-9988-2503 (building 1, 5, Bolshaya Andronyevskaya St., Moscow, 109544, Russian Federation; e-mail: mukhanova_m@rambler.ru).

Дата поступления рукописи: 06.11.2025.
Прошла рецензирование: 13.11.2025.
Принято решение о публикации: 04.12.2025.
Received: 06 Nov 2025.
Reviewed: 13 Nov 2025.
Accepted: 04 Dec 2025.